

Применение вспомогательных репродуктивных технологий в контексте права на целостность личности: международный и российский опыт¹

Аннотация. Распространение современных вспомогательных репродуктивных технологий провоцирует комплекс юридических проблем, связанных с реализацией репродуктивных прав человека в контексте права на целостность личности как центрального соматического права и обеспечения здоровья живущего и будущих поколений. Настоящая статья фокусирует внимание на трех группах проблем правового регулирования, формирующихся в связи с массовым использованием вспомогательных репродуктивных технологий и реализацией соматических прав в рассматриваемой сфере: обеспечение доступа к вспомогательным репродуктивным технологиям; установление прав в отношении полученного с помощью вспомогательных репродуктивных технологий эмбриона; регулирование суррогатного материнства. В статье приводится опыт международного и национального регулирования данных вопросов, включая практику межгосударственных органов правосудия и национальных судов.

Ключевые слова: целостность личности, соматические права, репродуктивные права, международные стандарты, вспомогательные репродуктивные технологии, право на эмбрион, суррогатное материнство

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3s.093-103

Ekaterina A. TORKUNOVA,

Associated Professor of the Integration Law and Human Rights of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO)

Cand. Sci. (Law)

katyorkunova@gmail.com

76, prosp. Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Assisted Reproductive Technologies Application in the Context of the Right to the Integrity of the Person: International and Russian Experience

Abstract. The widespread application of modern assisted reproductive technologies (ART) poses a complex set of legal issues related to the realization of human reproductive rights in the context of the right to personal integrity as a central somatic right and the safeguarding of the health of current and future generations. This article focuses on three groups of legal regulation issues emerging from the widespread use of ART and the implementation of somatic

Екатерина
Анатольевна
ТОРКУНОВА,
доцент кафедры
интеграционного права
и прав человека
Московского
государственного
института
международных отношений
(Университета) МИД
России,
кандидат юридических наук
katyorkunova@gmail.com
119454, Россия, г. Москва,
просп. Вернадского, д. 76

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00856, <https://rscf.ru/project/25-28-00856/>.

rights in this field: ensuring access to ART, establishing rights concerning embryos obtained through ART, and issues related to the regulation of surrogacy. The article presents the experience of international and national regulation, including the practice of international judicial bodies and national courts.

Keywords: personal integrity, somatic rights, reproductive rights, international standards, assisted reproductive technologies, right to embryo, surrogacy

1. Вступительные замечания

Реализация права на физическую целостность личности в рамках отношений, связанных с применением новых технологий в области биомедицины в контексте человеческой репродукции, порождает ряд проблемных вопросов с точки зрения правового регулирования. Появление и развитие современных вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), в частности технологии экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), не только открыло перед человечеством новые возможности, но создало массу проблем. Настоящая статья концентрирует внимание на трех основных проблемах правового регулирования в рассматриваемой области на международном и национальном уровне, связанных с обеспечением доступа к ВРТ, решением вопроса о праве на эмбрионы и проблемах, относящихся к суррогатному материнству.

Представленное в статье исследование проведено с применением сравнительно-правового метода и системного подхода в ходе изучения особенностей применения ВРТ в контексте права на целостность личности в международном и национальном праве, а равно при использовании метода анализа косвенных данных (восполнения недостающих информации и выводов на основе анализа сведений из открытых источников) и метода дискурс-анализа (анализа конкретного вопроса во взаимосвязи с сопутствующими явлениями в рамках общего дискурсивного поля) при изучении судебной практики в рассматриваемой сфере.

2. Применение ВРТ и защита права на целостность личности

Реализация права на свободный и ответственный репродуктивный выбор обусловлена правом на физическую целостность, правом на здоровье в целом и правом на репродуктивное здоровье человека в частности. На практике эта обусловленность представляет собой краеугольный камень многих современных проблем, связанных с человеческой репродукцией.

Несмотря на неуклонный рост человеческой популяции, в мире продолжает увеличиваться количество случаев, когда по тем или иным биологическим причинам люди испытывают затруднения в реализации своих способностей к размножению².

² Специалисты утверждают, что порядка 15 % супружеских пар испытывают проблемы с зачатием детей. См.: Mascarenhas M. N., Flaxman S. R., Boerma T., Poel Sh. van der et al. National, regional, and global trends in infertility prevalence since 1990: a systematic analysis of 277 health surveys // PLoS Med. 2019. № 9 (12). Р. 23.

Чаще всего это может быть вызвано проблемами со здоровьем, репродуктивной несовместимостью пары, а также возрастом. Проблема эта совершенно не нова, в этических правилах древних традиционалистских цивилизаций уже присутствовали отсылки к «суррогатному» материнству. Так, в Ветхом Завете девяностолетняя Сара призывает Аврама «войти» к ее служанке, которая забеременела и родила Измаила³. В древнеиндийских традициях существовала практика нийог пратха⁴, представлявшая собой суррогатное отцовство⁵. Вместе с тем современная медицина, биомедицина и генетика предоставляют новый комплекс возможностей, который, помимо традиционного лечения, заключается в применении ВРТ.

ВРТ, в соответствии с определением, разработанным под эгидой ВОЗ, представляют собой методы лечения или процедуры, которые включают в себя манипуляции *in vitro* с человеческими ооцитами, спермой и эмбрионами с целью добиться наступления беременности⁶. Первая беременность на основе ЭКО, которое можно назвать на сегодняшний день ключевой процедурой из всего комплекса ВРТ, успешно завершилась рождением ребенка в Великобритании в 1978 г.⁷ Первый советский ребенок «из пробирки» появился на свет в 1986 г. А к 20-м гг. ХХI в. в мире проводятся уже десятки тысяч таких процедур в год. Как отмечают Е. А. Торкунова и А. И. Щербакова, «вспомогательные репродуктивные технологии в последнее время получают все большее распространение, с одной стороны, в связи с соответствующими научными достижениями, а с другой — с возрастающим спросом на такие технологии»⁸.

С точки зрения репродуктивных прав человека как обособленной группы соматических прав, вытекающих из права на физическую целостность, применение

³ «И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее» (Быт. 16:2).

⁴ Хинди: नयिंग परथा.

⁵ Vyas A. M. Surrogacy: The only hope for a few // International Journal of Management and Social Sciences Research. 2017. 3. P. 44.

⁶ Zegers-Hochschild F., Adamson G.D., Dyer S., Racowsky C., et al. The International Glossary on Infertility and Fertility Care // Fertility and Sterility. 2017. № 3 (108). P. 393.

К вспомогательным репродуктивным технологиям относится экстракорпоральное оплодотворение (оплодотворение *in vitro*) с переносом эмбрионов (эмбриотрансфером) в полость матки, перенос зигот в фаллопиевые трубы, перенос эмбрионов в фаллопиевые трубы, перенос гамет в фаллопиевые трубы, суррогатное материнство, донорство ооцитов и эмбрионов. Российский Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дает следующее определение в ст. 55: «Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство» (С3 РФ. 2011. № 48. Ст. 6724).

⁷ Стрижаков А. Н., Давыдов А. И., Белоцерковцев Л. Д. Избранные лекции по акушерству и гинекологии. М. : Феникс, 2000. С. 12.

⁸ Torkunova E. A., Shcherbakova A. I. Surrogacy regulation: Trends in international and Russian law // Moscow Journal of International Law. 2022. № 2. P. 20.

BPT порождает три группы проблем. Первая из них касается права на доступ к самим BPT, которое обеспечивается далеко не в каждой юрисдикции. Вторая группа проблем связана с правом на полученный путем применения BPT эмбрион (преэмбрион), включая возможность его хранения при использовании технологии криоконсервации и последующего распоряжения им. Наконец, третья группа проблем касается суррогатного материнства как формы реализации репродуктивных прав человека.

3. Право на доступ к BPT

Переходя к первой группе проблем, нужно четко понимать, что препятствия могут быть созданы ввиду технологического отставания ряда национальных культур. Тогда ситуация будет находиться за пределами национального права настолько, насколько оно будет допускать получение такого доступа в другой стране. Другое дело, что в целом контекст современного международно-правового регулирования предоставляет широкую дискрецию в отношении регулирования рассматриваемого вопроса во внутригосударственном праве⁹, где законодатель может руководствоваться какими-либо мотивами, как правило, религиозного или этического плана. В таком случае право на доступ к BPT обеспечивается ограниченно.

Обычно в национальной юрисдикции речь идет не о доступе к самой процедуре ЭКО, а об ограничении возможности использования донорских ооцитов, спермы, яйцеклетки и суррогатного материнства¹⁰. Такие ограничения правомерны и допустимы международными стандартами в рассматриваемой сфере, что следует, в частности, из постановлений Европейского суда по правам человека по делу S.H and Others v. Austria¹¹ и по делу Dickson v. UK¹²,

Вопрос доступа к ЭКО вставал и перед Межамериканским судом по правам человека (МСПЧ), отменившего запрет на проведение ЭКО в Коста-Рике в своем постановлении от 12.11.2012 по делу Artavia Murillo and others v. Costa Rica¹³. Суд истолковал сферу действия права на защиту частной и семейной жизни в соответствии с Американской конвенцией о правах человека 1969 г. (Пакт Сан-Хоце),

⁹ Exter A. Access to reproductive health services under the European convention on human rights // *Obstetrics & Gynecology International Journal*. 2018. 9 (6). P. 496.

¹⁰ Такая ситуация наблюдается во многих арабских странах. В частности, Египет, Алжир, Иордания, Бахрейн, Саудовская Аравия, Катар, Ливан, Оман и Тунис запрещают суррогатное материнство, донорство спермы, зрелых половых клеток и эмбрионов, а также финансовую компенсацию. Об этом см.: Братусева Е. Регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в арабских странах // *Zakon.ru*, 22.01.2024. URL: https://zakon.ru/blog/2024/01/22/regulirovanie_vspomogatelnyh_reproduktyivnyh_tehnologij_v_arabskih_stranah (дата обращения: 14.04.2025).

¹¹ S. H. and Others v. Austria [GC], Application no. 57813/00 // ECHR 2011-V.

¹² Dickson v United Kingdom, Application no 44362/04 // ECHR 2008-12.

¹³ Artavia Murillo and others v Costa Rica // Inter-Am. Ct.H.R. no. 257, Judgement of 28 November 2012.

ее ст. 11(2). Далее МСПЧ находит подтверждение этому в положениях Международных пактов о правах человека и прецедентной практике ЕСПЧ.

Постановление Межамериканского суда содержит отсылки к основным элементам репродуктивных прав, определенным в универсальных международных конвенциях по правам человека¹⁴, а также в связанных с этими договорами документах¹⁵. Как указал МСЧП, поскольку сфера частной жизни тесно связана с репродуктивной автономией, это порождает право на доступ к лучшим услугам здравоохранения в области ВРТ. Запрет же ЭКО будет представлять собой неоправданное вмешательство в частную жизнь и в право женщины контролировать собственную fertильность. В результате Суд постановил, что Коста-Рика должна легализовать ЭКО и принять необходимые меры для обеспечения равного доступа к услугам ЭКО.

4. Право на полученный путем ВРТ эмбрион

Вторая группа проблем, которая касается прав на эмбрионы, проявляется преимущественно в судебной практике. В хорошо известных постановлениях по делам *Evans v. United Kingdom*¹⁶ и *Parrillo v. Italy*¹⁷ ЕСПЧ определил широкую дисcreцию в отношении определения прав на эмбрионы со стороны государств¹⁸, в том числе прерогативы одного из партнеров на уничтожение или сохранение замороженного эмбриона, а также невозможности передачи его для целей экспериментов. В то же время, по мнению ЕСПЧ, изъятие эмбрионов и передача их другому биобанкингу в ходе уголовного преследования не являются нарушением ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) (*Knecht v. Romania*¹⁹), если только это не нанесло ущерб (*Nedescu v. Romania*²⁰).

В судебной практике США хорошо известно дело *Davis v. Davis*²¹, рассмотренное в суде штата Теннесси в 1992 г. в рамках бракоразводного процесса. Супруги не составляли соглашения о распоряжении преэмбрионами, которые хранились в клинике в замороженном виде для целей проведения ЭКО, и этот вопрос оказался самым существенным в процедуре развода. Кроме того, пози-

¹⁴ См., в частности: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Ст. 12 ; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. Ст. 16(е)

¹⁵ См., в частности: Замечание общего порядка по вопросам здравоохранения ; Рекомендация в рамках Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин № 24.

¹⁶ *Evans v. the United Kingdom* [GC], Application no. 6339/05 // ECHR 2007-IV.

¹⁷ *Parrillo v. Italy*, Application no. 46470/11 // ECHR 2015.

¹⁸ Калиниченко П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 112—113.

¹⁹ *Knecht v. Romania*, Application no. 10048/10 // ECHR 2012.

²⁰ *Nedescu v. Romania*, Application 70035/10 // ECHR 2018-62.

²¹ *Davis v. Davis* // 842 S.W.2d 588 (Tenn. 1992).

ции сторон менялись в ходе рассмотрения дела. Если бывшая жена хотела их пожертвовать третьим лицам, то бывший муж просил суд дать разрешение на их уничтожение. Суд внимательно изучил доводы сторон и выводы судов нижестоящих инстанций и пришел к выводу об особенном статусе преэмбрионов, которые не являются еще человеческим существом, но и не могут быть объектом права собственности, нуждаясь «в большем уважении». Кроме того, суд отказался применить в отношении преэмбрионов юридические конструкции права на аборт. Суд счел, что поставщики гамет обладают равными правами в отношении распоряжения полученными от их биологического материала преэмбрионами. Указав на предпочтительность решения такого вопроса на основе соглашения сторон, суд согласился с позицией бывшего мужа, так как, по мнению суда, сохранение преэмбрионов с целью их пожертвования третьим лицам при их успешной имплантации создаст ситуацию биологического родительства вопреки волеизъявлению одной из сторон.

5. Суррогатное материнство как форма реализации права на целостность личности и других репродуктивных прав человека

Наконец, третья группа проблем касается суррогатного материнства как формы реализации репродуктивных прав человека. Несмотря на очевидную необходимость специального международного инструмента в сфере репродуктивных прав вообще и в отношении суррогатного материнства в частности, мировое сообщество так и не выработало согласованный комплекс юридических подходов²². Актуальность и желательность появления такого инструмента на протяжении последних лет неоднократно подчеркивались многочисленными универсальными межгосударственными структурами.

Международные документы о правах человека закрепляют основополагающие принципы, которые служат руководством в вопросах суррогатного материнства. Так, в контексте суррогатного материнства принципиальное значение имеют уважение равенства, человеческого достоинства и частной жизни. Вопросы суррогатного материнства неоднократно рассматривались в рамках таких конвенционных органов ООН, как Комитет по правам ребенка и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин²³.

Такие межправительственные организации, как Международная комиссия по гражданскому состоянию (ICCS) и Гаагская конференция по международному частному праву (HCCN), проводят большую работу по разработке общего подхода

²² Zaouaq K. La gestation pour autrui au regard de l'éthique et du droit // Canadian Journal of Bioethics. Revue canadienne de bioéthique. 2020. Vol. 3. Is. 3. P. 129.

²³ Примечательно, что с нарушениями прав детей, рожденных суррогатными матерями, сталкиваются в равной степени как юрисдикции, где суррогатное материнство разрешено, так и те, которые это запрещают (например, рекомендации даны Австрии, Бельгии, Франции, Ирландии, Нидерландам, Испании). См.: Хазова О. А. К вопросу о правовом регулировании суррогатного материнства // Проблемы репродукции. 2021. 27 (2). С. 23.

к некоторым наиболее распространенным вопросам частного международного права, касающимся суррогатного материнства²⁴.

Пока единственным результатом всех международных усилий явилось принятие необязательного документа Всемирной медицинской ассоциации. Эта международная неправительственная организация в 1987 г. приняла Декларацию об экстракорпоральном оплодотворении и переносе эмбрионов²⁵, в которой были изложены положения, конкретно касающиеся суррогатного материнства²⁶. Важным шагом в защите прав детей, рожденных с помощью суррогатного материнства, стала разработка Международной социальной службой²⁷ Веронских принципов защиты прав ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства (Веронские принципы)²⁸.

Вопросы регулирования суррогатного материнства также получают свое развитие в документах и деятельности Совета Европы, в частности, в положениях ЕКПЧ и Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенции о правах человека и биомедицине 1997 г. (Конвенции Овьедо).

Анализ ряда дел, в основном связанных с признанием иностранных сертификатов о рождении «суррогатным» ребенка, показывает, что ЕСПЧ руководствуется в своей практике концепцией «наилучших интересов ребенка», известной в практике судов США, начиная с дела Baby M, первого дела о суррогатном материнстве, рассмотренного в суде штата Нью-Джерси в 1988 г.²⁹ и заложившего главные принципы признания этой вспомогательной репродуктивной технологии по другую сторону Атлантики. После решений ЕСПЧ по делам Mennesson v. France (жалоба № 65192/1127)³⁰, Labasse v. France (жалоба № 65941/1128)³¹ Франция начала регистрировать сертификаты для детей, рожденных суррогатной матерью за рубежом, если предполагаемый отец, указанный в сертификате, является биологическим отцом (что подтверждено, в частности, решением по делу Foulon and Bouvet v. France³²). Однако в части отношений суррогатного ребенка с его предполагаемой матерью ЕСПЧ не обозначил свою позицию, поэтому 12.10.2018 Кассационный суд Франции в соответствии со ст. 1 Протокола № 16 к ЕКПЧ запросил

²⁴ Maydanyk R. A., Moskalenko K. V. Towards creation of unified regulation on surrogacy in Europe: recent trends and future perspectives // Wiadomości Lekarskie. 2020. Vol. 73. P. 2868.

²⁵ Déclaration de l'AMM sur la fécondation in vitro et le transfert d'embryon. 1987. URL: <https://www.wma.net/fr/policiespost/declaration-de-lamm-sur-la-fecondation-in-vitro-et-le-transfert-dembryon/> (дата обращения: 14.04.2025).

²⁶ Однако в октябре 2006 г. упомянутая декларация была отменена.

²⁷ International Social Service (ISS). Международная социальная служба является международной неправительственной организацией.

²⁸ Principles for the protection of the rights of the child born through surrogacy. 2021 // URL: https://www.iss-ssi.org/images/surrogacy/veronaprinciples_25february2021.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

²⁹ In re Baby M (537 A.2d 1227, 109 NJ 396 (NJ 1988)).

³⁰ Mennesson v. France. Application No, 65192/11 // ECHR 2014.

³¹ Labassee v. France. Application No. 65941/11 // ECHR 2014.

³² Foulon and Bouvet v. France. Application no. 9063/14 and no. 10410/14// ECHR 2016.

у ЕСПЧ консультативное заключение по соответствующим вопросам. 10.04.2019 ЕСПЧ опубликовал свое консультативное заключение, в котором указал на возможность признания законных отношений «родитель — ребенок» между ребенком, рожденным в результате гестационного суррогатного материнства за рубежом, и предполагаемой матерью в национальном законодательстве той страны, где суррогатное материнство противоречит публичному порядку³³.

В то же время следует отметить, что ЕСПЧ в делах о суррогатном материнстве придает особое значение наличию биологической связи между «суррогатным» ребенком и хотя бы одним из потенциальных родителей. Примечательным в этом отношении является уже рассмотренное нами выше дело *Paradiso and Campanelli v. Italy*³⁴, в котором отношения родителей и детей, возникшие в результате осуществленной в России процедуры суррогатного материнства, не были признаны из-за отсутствия доказанной биологической связи между ребенком и потенциальными родителями. Исходя из позиции ЕСПЧ, в условиях отсутствия единого международного инструмента по суррогатному материнству государства обязаны не только найти баланс между интересами общества и его отдельных представителей, но и одновременно защищать наилучшие интересы ребенка³⁵.

На уровне Европейского союза полноценное регулирование вопросов суррогатного материнства сегодня отсутствует. Некоторые гарантии все же можно найти в Хартии ЕС об основных правах (в частности, право каждого ребенка поддерживать регулярные личные отношения и прямой контакт с обоими родителями, если это не противоречит наилучшим интересам ребенка, установлены в п. 3 ст. 24), а также во вторичном праве и практике Суда ЕС.

По мнению Н. Гонзалеса, государства — члены ЕС разделены на четыре группы в зависимости от регулирования вопросов суррогатного материнства³⁶:

- 1) суррогатное материнство не регулируется, но на практике соглашения о суррогатном материнстве заключаются и исполняются (Бельгия, Кипр, Чешская Республика, Ирландия, Нидерланды, Румыния, Словакия);
- 2) суррогатное материнство не разрешено, но ведутся дискуссии о том, следует ли разрешить его в будущем (Болгария, Латвия, Мальта, Испания);
- 3) суррогатное материнство разрешено, и закон предусматривает регулирование суррогатного материнства (Греция);
- 4) суррогатное материнство строго запрещено законом (Австрия, Хорватия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Литва, Люксембург, Польша, Португалия, Словения, Швеция).

³³ См.: Дедов Д. И., Гаджиев Х. И., Черенкова В. С. Первое консультативное заключение по Протоколу № 16 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 43.

³⁴ *Paradiso and Campanelli v. Italy*. Application no. 25358/12 // ECHR 2017.

³⁵ *Fenton-Glynn C. International surrogacy before the European Court of Human Rights // Journal of Private International Law*. 2017. Vol. 13. Is. 3. P. 548.

³⁶ *González N. I. Regulating surrogacy in Europe: Common problems, diverse national laws // European Journal of Women's Studies*. 2019. Vol. 26. P. 439.

В России разрешено платное (коммерческое) суррогатное материнство³⁷. Российской Федерацию можно назвать одной из стран с самым либеральным законодательством в этой сфере. Сейчас суррогатное материнство регулируется четырьмя нормативными правовыми актами законодательного и подзаконного характера³⁸.

Существующее законодательство четко не определяет, кто может воспользоваться услугами суррогатного материнства. Это вызывает проблемы на практике из-за отсутствия определения участников. Семейный кодекс (ч. 4 ст. 51) говорит, что родителями ребенка, рожденного с помощью суррогатной матери, могут быть только состоящие в браке пары, и только с согласия женщины, родившей ребенка. Однако Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 3 и 9 ст. 55) указывает, что ВРТ могут использовать:

- (а) мужчина и женщина (в браке или нет) и
- (б) одинокая женщина, которая не может сама выносить и родить ребенка по медицинским причинам.

Эти причины указаны также и в приказе Минздрава России от 31.07.2020 № 803н. Ситуацию усугубляют положения Федерального закона «Об актах гражданского состояния» (ч. 5 ст. 16), который требует от супругов, воспользовавшихся услугами суррогатной матери, всего два документа для регистрации рождения ребенка: документ о рождении ребенка и документ из больницы, подтверждающий согласие суррогатной матери на запись супругов родителями.

Таким образом, законы позволяют использовать суррогатное материнство мужчине и женщине, как состоящим, так и не состоящим в браке, а также одиночной женщине, имеющей медицинские противопоказания к вынашиванию и родам. Но зарегистрировать ребенка могут только находящиеся в законном браке пары.

Из-за расхождений в законах и трудностей с регистрацией детей, рожденных с помощью репродуктивных технологий, в мае 2018 г. члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ внесли законопроект № 473140-7³⁹, который должен был решить некоторые проблемы, предоставив право регистрировать ребенка, рожденного с помощью суррогатной матери, как состоящим в браке парам, так

³⁷ Piersanti V., Consalvo F., Signore F., Del Rio A., et al. Surrogacy and «Procreative Tourism». What Does the Future Hold from the Ethical and Legal Perspectives? // Medicina. 2021. Vol. 57. Is. 1. P. 51.

³⁸ См.: Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16 ; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724 ; Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340 ; приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрирован в Министерстве России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020.

³⁹ Проект федерального закона № 473140-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации рождения ребенка, в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1191971-7> (дата обращения: 14.04.2025).

и не состоящим в браке парам, а также одиноким женщинам. Однако депутаты Государственной Думы отклонили этот законопроект⁴⁰.

6. Заключение

Право на целостность личности как фундаментальное соматическое право многоаспектно в своей реализации. Стремительный рост современных биотехнологий и медицинских технологий открыл возможности для совершенствования медицинской помощи в сфере человеческого воспроизведения путем применения ВРТ. Репродуктивные права как обособленная группа соматических прав, проистекающая из права на целостность личности, включают в себя право на доступ к ВРТ, права, связанные с распоряжением полученным с помощью ВРТ эмбрионом, а также право на суррогатное материнство.

Вместе с тем реализация этих прав сопряжена с комплексом неоднородных юридических проблем, проявляющихся как на международном, так и на национальном уровне. Так, проблемы обеспечения доступа к ВРТ связаны напрямую с технологическим развитием конкретного государства и вопросами публичного порядка.

Вопросы права на полученный с помощью ВРТ эмбрион на практике возникают в русле целесообразности его уничтожения, а суррогатное материнство преследует комплекс социальных бюрократических сложностей, связанных с законным характером субъектов и юридической чистотой процедуры оформления прав биологических родителей, суррогатной матери и детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусева Е. Регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в арабских странах // Zakon.ru. — 22.01.2024. — URL: https://zakon.ru/blog/2024/01/22/regulirovanie_vspomogatelnyh_reproduktyivnyh_tehnologij_v_arabskih_stranah (дата обращения: 14.04.2025).
2. Дедов Д. И., Гаджиев Х. И., Черенкова В. С. Первое консультативное заключение по Протоколу № 16 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2019. — № 5. — С. 42—48.
3. Калиниченко П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 108—118.
4. Стрижаков А. Н., Даэвидов А. И., Белоцерковцев Л. Д. Избранные лекции по акушерству и гинекологии. — Ростов н/Д : Феникс, 2000. — 512 с.

⁴⁰ Постановление Государственной Думы от 22.03.2023 № 3418-8 ГД «О проекте федерального закона № 473140-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации рождения ребенка в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий» // СЗ РФ. 2023. № 13. Ст. 2236.

5. Хазова О. А. К вопросу о правовом регулировании суррогатного материнства // Проблемы репродукции. — 2021. — 27 (2). — С. 21—25.
6. Exter A. Access to reproductive health services under the European convention on human rights // Obstetrics & Gynecology International Journal. —2018. — № 9 (6). — P. 496—498.
7. Fenton-Glynn C. International surrogacy before the European Court of Human Rights // Journal of Private International Law. — 2017. — Vol. 13. — Is. 3. — P. 546—567.
8. González N. I. Regulating surrogacy in Europe: Common problems, diverse national laws // European Journal of Women's Studies. — 2019. — Vol. 26. — P. 435—446.
9. Maydanyk R. A., Moskalenko K. V. Towards creation of unified regulation on surrogacy in Europe: recent trends and future perspectives // Wiadomości Lekarskie. — 2020. — Vol. 73.
10. Mascarenhas M. N., Flaxman S. R., Boerma T., Poel Sh. van der, et al. National, regional, and global trends in infertility prevalence since 1990: a systematic analysis of 277 health surveys // PLoS Med. — 2019. — № 9 (12). — P. 23—35.
11. Piersanti V., Consalvo F., Signore F., Del Rio A., et al. Surrogacy and "Procreative Tourism". What Does the Future Hold from the Ethical and Legal Perspectives? // Medicina. — 2021. — Vol. 57. — Is. 1. — P. 47—63.
12. Torkunova E. A., Shcherbakova A. I. Surrogacy regulation: Trends in international and Russian law // Moscow Journal of International Law. — 2022. — № 2. — P. 17—38.
13. Vyas A. M. Surrogacy: The only hope for a few // International Journal of Management and Social Sciences Research. — 2017. — № 3. — P. 40—54.
14. Zaouaq K. La gestation pour autrui au regard de l'éthique et du droit // Canadian Journal of Bioethics. Revue canadienne de bioéthique. — 2020. — Vol. 3. — Is. 3. — P. 128—133.
15. Zegers-Hochschild F., Adamson G.D., Dyer S., Racowsky C., et al. The International Glossary on Infertility and Fertility Care // Fertility and Sterility. — 2017. — № 3 (108). — P. 393—406.

